

Рина Гиппиус

ИЗ СУМРАКА
СОТВОРИТСЯ СВЕТ

Рина Гиппиус
Из сумрака сотворится свет
Серия «Тени в сумраке», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69775777

SelfPub; 2023

Аннотация

Преступник не стесняется творить беспредел днем, следовательно не гнушается использовать меня в темную, а я не понимаю, как мне выпутаться из всего этого и не лишиться своего сердца. Во всех смыслах.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	45
Глава 4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Рина Гиппиус

Из сумрака сотворится свет

Глава 1

Столица встретила нас сырым, пронизывающим ветром – сказывалась близость редко замерзающего моря, слякотью под ногами и хмурыми тучами в небесах. Словно город не был рад нашему приезду. Или конкретно моему.

Встречай Сэлаж, преступница, отданная господину важному следователю на поруки, явилась!

Шум большого города, толпы людей, проносящиеся мимо повозки. Все это оглушило меня – так я привыкла к тишине и размерности деревенской жизни. А тут...

В себя я пришла только в экипаже, что мчался по оживленным столичным улицам. За окном мелькали вроде бы и знакомые виды, но все же какие-то другие. Город теперь чужой, не родной. Будто я не из ссылки возвращалась, а наоборот. Я отвернулась от окна и тут же наткнулась на внимательный взгляд Падуану. Невозмутимо уставилась в ответ. Он хмыкнул, но все же отвел глаза.

Служебная квартира располагалась в приличном, тихом районе. При этом не так уж и далеко от центра. В шаговой доступности были и парк, и рынок, и некоторые ведомства.

Само жилище оказалось чистым, аскетичным, обставленным без изысков – только необходимыми вещами. Из коридора двери вели в общую комнату, кухню, ванную. А уже в общей комнате было еще три двери, вероятно, в спальни.

– Располагайтесь, – махнул рукой следователь, пока занесли наши вещи.

– Где моя комната? – поинтересовалась я.

– Выбирайте любую, – великодушно разрешили мне.

Я поочередно заглянула в каждую. Выбрала ту, в которой окна выходили на придомовой садик, припорошенный еще не растаявшим снегом. На улицу глазеть как-то не хотелось. Да и занавески тут оказались веселенькими – мелкие пестрые цветы. Хоть какое-то яркое пятно в унылой комнате.

Задвинула чемодан под кровать и скептически посмотрела на шкаф. Вещи успею разложить, а вот написать маме надо бы сейчас.

И так муторно стало на душе. Хотя казалось бы – радоваться должна. В голову упорно не шли мысли – что же написать. Я не стала предупреждать маму заранее, что приеду. Догадывалась, что она забросает меня цедами, где будут вопросы, на которые у меня нет ответов. Будут просьбы, которые выполнять – не хотелось. Например, помириться с отцом. Приехать к ним домой и возможно вообще остаться у них. Ничего из этого допустить я не могла, поэтому и не отправляла цеду, оттягивала этот момент как можно дольше.

«Мама, здравствуй! Я прибыла в город. Мы можем зав-

тра в полдень встретиться в императорском парке? Подробности при встрече.»

Ничего умнее я придумать не смогла. Мама такую лаконичность не оценит.

А что? Общественное место, где в любую погоду много людей. При них мама постесняется устраивать сцены. Не сказать, что она к ним склонна, но мало ли...

Тут же пришел ответ. Я смахнула бумажку с браслета и прочла:

«В час, дома.»

Цеда тут же рассыпалась пеплом, который я стряхнула в платок.

Начинается...

«Если ты действительно хочешь меня увидеть, то в двенадцать в парке.»

Может это выглядело как манипуляция в виде ультиматума, но неужели мама за два года так ничего и не поняла?

В этот раз ответа не было. Может быть и поняла...

Когда я вышла из комнаты, так и не дождавшись цеды, Ионит суетился и накрывал на стол. Мы поменялись местами и наконец-то мужчины отвечают за еду? Захотелось ущипнуть себя – не показалось ли? Но я лишь молча прошла к

дивану и присела. На столике рядом лежали свежие газеты. Для вида взяла одну из них, при этом наблюдая за Шербаном. В общем-то, могла бы и помочь ему, тем более, что он путал местами приборы, пару раз чуть не уронил тарелки. Одна вилка все же оказалась на полу. Он поднял ее, негромко вздохнул и пошел на кухню. Зажурчала вода.

Пожалуй, справится и сам. Главное – старание. Да и меня никто ни о чем не просил.

– Убираться будут приходиться через день, – произнес Ионит, когда закончил. – Еду доставят по вечерам, если будет в этом надобность. Постоянной прислуги нам не положено, – вновь тяжело вздохнул. – Чем меньше посторонних людей тут, тем лучше.

– Разве у вас нет своего жилья, почему мы все здесь? – заинтересовалась я.

– Держимся вместе, – пожал плечами следовательский помощник.

Или так проще следить за мной. Но ведь днем мы все будем заняты своими делами, а вечером было бы достаточно и охраны...

Вскоре явился Падуану. Из сумки в его руках доносились вполне себе аппетитные запахи. А проголодались мы с Шербаном сильно – оба водили носами в предвкушении.

Наш добытчик водрузил сумку на стол. А вот такое ответственное дело, как раскладывание еды по тарелкам, я Иониту уже не доверила. Следователю, впрочем, тоже. Хотя он и

не настаивал – ушел приводить себя в порядок с дороги. Это мы с помощником успели передохнуть, а он же даже в своей комнате не появился, сразу уехал, как выгрузил нас тут.

Ужин прошел практически в тишине. Пару раз Падуану с Ионитом негромко обменялись репликами, меня же никто не трогал. Словно опасались, что от такого количества информации, которое на меня сегодня вывалили, любое лишнее слово в мою сторону будет действительно лишним. И я устрою что-нибудь нехорошее.

Тишина, несмотря на обстоятельства, все же давящей или неловкой не была. Да и мысли у меня заняты были лишь встречей с мамой. Убийства, банды и прочее отошло на второй план.

Сдержанно поблагодарив за ужин, я поднялась и унесла свою тарелку на кухню. Хотела было помыть ее, но вспомнила о замечании Шербана и оставила все так. Как-то отвыкла, что порядком в доме занимается кто-то вместо меня.

Я прихватила парочку газет и направилась в свою комнату.

Приятного изучения прошедших мимо меня новостей не случилось. Уже на второй странице я наткнулась на большой разворот, увенчанный снимком теперь уже бывшего папенькиного адъютанта. Господин Альен после несчастного случая, который стал таковым благодаря в том числе и мне, полученную компенсацию не растратил, а вложил в производство протезов. Благородный мужчина, бывший военный,

решил помогать таким же несчастным, как и он. Правда, в статье почему-то умолчали, что никакие конечности Альтен не терял, и ему самому протезы ни к чему. Он лишь нашел удачный способ заработка, получая заказы прежде всего от государства. Почему именно он стал чуть ли не главным пострадавшим в том пожаре, символом, я не понимала. Такое ощущение, что за ним стояли другие люди, которые использовали так удачно подвернувшегося военного, ушедшего в отставку по состоянию здоровья, чтобы торговать его лицом во имя якобы хорошего дела, а по факту... Даже если отбросить все мои эмоции по отношению к этому человеку, все равно оставалось ощущение подвоха, чего-то неправильного. В профессиональной среде медиков, от которой меня на долгое время отодвинули, уже начинали ходить нехорошие слухи. Один из одноклассников, с которым я поддерживала общение в переписке, как-то упомянул, что пока толком никто этих протезов не видел, громкие слова о них слышал, но видеть, пощупать, посмотреть в деле – нет. Даже промежуточных результатов не было. Однажды только презентовали какую-то собранную на коленке поделку, обозвав ее прототипом. Кто видел, шутил потом – папье-маше и то выглядит прочнее. В общем, постоянно кормили обещания, что вот-вот будет колоссальный прорыв, но нужно еще немного времени, много денег и терпения.

Видимо, критическая масса слухов подошла к опасной точке, поэтому и заказали целый разворот в солидном изда-

нии. Несведущий в этом деле человек наверняка восхитится – такое важное, нужное предприятие, столько пользы будет людям. А кто хоть немного понимает что к чему, догадается, что польза будет только конкретным людям и далеко не пациентам.

Мне до последнего не хотелось верить во все эти домыслы, сплетни, но увидев все написанное... Сомнений оставалось все меньше.

Надеюсь, конечно, что рано или поздно во все всем разберутся, и ущерб окажется только материальным – его-то не сложно восполнить. А вот если пострадают люди, которые обратились за помощью...

Как пострадал сам Альен, помощь которому оказывала я...

Я потянулась к графину с водой и прямо так с горлышка принялась отпивать воду. Немного облилась, но лишь промокнула влагу платком. И все же спустя два года я легче воспринимала прошедшие события, решение Комиссии. Альен не был виноват в том, что произошло, я виновата была частично, хоть и наказали по полной. Но именно показания этого человека все усугубили.

Мирелла заявила, что я еще об этом пожалею. Я и пожалела.

А уж как я жалела, что он мне вообще встретился!

И если ранее эти воспоминания выбивали меня из колеи на долгое время, то теперь всего лишь мучала бессонница. Решив долго не страдать, ворочаясь с бока на бок, я принялась потрошить свои запасы – хоть и слабенькое снотворное, но пусть и такое. Ох, сейчас бы я не отказалась от того рецептика Промба...

Однако организм смилиостивился, и уснула я довольно быстро и крепко. Да так, что не сразу услышала весьма настойчивый стук в дверь.

Кряхтя поднялась, накинула халат и высунула нос за дверь.

– Завтрак на кухне, ключи на полке в коридоре. У вас свободный день, как и договаривались. Охрана предупреждена, ну а мы ушли по делам, – отчитался Падуану.

Я могла лишь похлопать глазами. Секунда – и следователь скрылся из виду, точно опаздывал. Хлопнула входная дверь.

Время до встречи с мамой я решила провести, гуляя по городу. Нужно же в конце концов и познакомиться с ним заново.

Не сказать, что изменений было много. Но где-то построили новое здание, а где-то – снесли старое, где-то расширили улицу, а где-то вообще закрыли сквозной проезд, оставив только пешеходную часть. Что-то убрали, что-то добавили.

Наверно я ощущала город чужим еще и потому, что возвращаться сюда было не к кому. Дом ведь – это что? Место, где тебя ждут. А в Сэлаже меня ждала только мама. Ну как

ждала...

Была бы более сговорчивой, ничего бы этого не было.

С руководителем моей практики и будущим тогда наставником для квалификационной работы для мэтра у нас сложились хорошие отношения, но у него и без меня была куча учеников, помощников и жаждущих его внимания. Одним больше, одним меньше. Я не обольщалась – выдающимся медиком мне вряд ли грозило стать, я всего лишь хотела достойно выполнять свою работу, а звезды с неба – пусть за ними прыгают другие.

Когда начались разбирательства, те немногочисленные друзья, что у меня были, пропали кто куда. В лицо мне никто ничего не говорил, практически все просто тихо и мирно устранились. Лишь пару приятелей, что примечательно, не оставшихся в столице, а уехавших в разные концы страны, не прекратили общение, пусть и только в письмах. И одна столичная приятельница. И такой малости мне хватало, чтобы не чувствовать себя совсем уж брошенной.

А вот мама... Запрета на посещения не было. Ничто не мешало ей выделить хотя бы три дня и приехать ко мне. Ничего и никто, кроме отца.

«Она понесет заслуженное наказание, нечего к ней мотаться», – так он заявил, будто меня и не было тогда в комнате.

Отец хотел добавить к официальному наказанию еще и временное отлучение от семьи. Фонсо, разумеется, не пошел на это. А вот мама перечить не стала. Ограничилась лишь тем, что снабдила меня некоторыми полезными амулетами, которые помогают в быту, и дала немного денег. Гордость я тогда засунула куда подальше – понимала, что отказываться даже от такой помощи, поступать себе же во вред.

В глубине души я была уверена, что несмотря на посильную помощь, мама, также, как и отец, считала меня виновной. Из-за чего и не была особо против приказа отца. Возможно, она так поступала неосознанно и ей казалось, что она лишь уступает воли мужа.

И вот теперь я шла навстречу человеку, которого безумно любила и также глубоко не понимала.

Чистые дорожки с гравием, словно на них никогда не падал снег, аккуратные, будто по линейке выровненные сугробы вдоль этих дорожек, над ними – чуть припорошенные кусты, также идеально ровно подстриженные. Черные ветки рябин с ярко-красными гроздьями ягод. Толпы людей, которых привела сюда в первую очередь комфортная температура – легкий морозец, чтобы не таял снег, но и не кусал за щеки. Таким я увидела парк, когда вошла в него. Вспомнилось, что когда-то мне целый месяц запрещали тут появляться. Теперь уже об этом случае я вспомнила практически без злости. Хотя, когда шла мимо гвардейцев у входа, еле ощутимый озноб испуга прошелся по позвоночнику.

Воздух тут действительно был особенным – дышалось легче, настроение улучшилось. Хотелось улыбаться, радоваться невесть чему. Да пусть вон той синичке, что пристроилась у кормушки, щелкая семечками. Возможно, как и говорил Падуану, в императорском парке сохранились положительные эманации, поэтому это место и было таким теплым, тихим, несмотря на огромное количество гуляющих людей.

Мама не шла по дорожке – плыла. Даже гравий не хрустел под ее ногами. Привлекательная женщина элегантного возраста, куда бы она не направлялась, тут же начинала привлекать внимание к себе. Причем это свойство у нее было всегда, сколько я помнила. Невысокая, темноволосая, с аккуратными чертами лица, изящная, как статуэтка. Такая же хрупкая с виду, но по твердости не уступала и камню. Она куталась в изысканные меха, одевалась в самые утонченные одежды, обдавала тонким и чарующим ароматом. Не женщина – сказка. И не скажешь, что эта дама половину своей жизни проездила за мужем по военным гарнизонам. Научилась готовить из самых скудных запасов так, чтобы сытно и вкусно накормить семью. Умела создавать уют из минимума вещей и обстановки. Могла шить одежду из любого куска ткани, какой можно было достать, и получались достойные вещи. Не говоря уже о ее мастерстве художественной штопки, если ресурсы совсем уж были ограничены.

И также без сложностей она вписалась в столичное обще-

ство, когда отец наконец-то получил хорошую должность в главштабе.

Действительно, удивительная женщина. И не восхищаться ею я не могла. Хотя бы в этом.

– Здравствуй, – грудным, обворожительным голосом, таким же прекрасным, как и весь ее облик, проговорила она.

– Мама, – чуть слышно прошептала я.

Она махнула рукой, и я ту же утонула в мехах, вдыхая терпкий аромат жасмина, разбавленный еще какой-то ноткой свежести. Этот запах всегда ассоциировался с мамой.

– Я скучала, – также шепотом произнесла она.

Мне удалось лишь глухо угукнуть. Спустя мгновение она разжала объятия. Взяла меня за плечи и чуть отстранилась, внимательно разглядывая блудную дочь.

– Хороша, – только и заключила мама.

Вряд ли комплимент, скорее упрек. Разве что не цокнула языком.

Я же заметила, что в выглядывающем из-под шапки локоне блестят серебряные нити. Больше, чем, когда я видела ее в прошлый раз. В уголках глаз четче обозначились лучики морщин, а от носа к губам углубились заломы. И все же, несмотря на столь явные признаки того, что и мама не так уж и легко прожила эти пару лет, выглядела она как всегда шикарно.

– Пойдем в кофейню, – произнесла она. – Или все же отправимся домой? Илинка приготовит твой любимый пирог.

Мама не оставляла надежды затащить меня домой. Я покачала головой.

– Кофейня, – ответила я.

Она недовольно сжала губы, но вслух никак не выразила разочарования от моего решения.

Мы пришли в незнакомое место, поэтому я озиралась с любопытством. К тому же я пыталась оттянуть момент, когда придется повернуться к маме и начать разговор. Пока мы шли – перекинулись лишь парой фраз, мама не любила говорить на холоде. «Не хочу застудить горло.»

В конце концов ей это надоело, и она взяла мою руку, лежавшую на столе, сжала ее и прошептала. Негромко, но настойчиво:

– Рассказывай.

И под крепкий кофе, от вкуса которого я отвыкла, из меня полились слова. Да, я периодически отпрашивала маме и цеды, и полноценные письма, но вот так, воочию – совсем другое дело.

Рассказ вышел долгим – и это я еще кучу всего опускала. Мама прекрасно понимала, что делюсь я не всем, и не только потому, что не могу из-за следствия, про которое, разумеется, я упомянула.

За эти пару лет, что я провела вдали от дома, пришлось выучиться держать язык за зубами, когда это очень нужно. Да и когда не очень – тоже.

Мама попыталась невзначай выпытать чуть больше по-

дробностей, но до того же Падуану ей было далеко. Поэтому я ограничилась лишь тем, что сама посчитала нужным рассказать и ни фразой больше. Боюсь, поделись я еще чем, это тут же будет выложено отцу. И использовано против меня, как всегда.

– Ты молодец, – заключила она. – Достоинно справилась с выпавшими тебе испытаниями.

Я поморщилась от банальности и пафоса фразы. Хотелось чего-то более родственного, поддерживающего. Не обязательно утешающего, ведь расстроенной я себя не ощущала, но чуть более теплого – пожалуй.

Она открыла было рот, будто хотела добавить еще что-то, возможно, пресловутое «но...». Я подтолкнула ее.

– Спасибо, я старалась, – хмыкнула я. – Но могла бы и лучше, да?

– Нет, да...

Она перевела взгляд за мою спину, которой я и сама, буквально каждой напряженной клеточкой, почувствовала, кто приблизился к нам.

– Как ты могла... – разочарованно выдохнула я.

– Он имеет право, – на этот раз твердо отчеканила мама.

– Все действительно как всегда, – вяло пробормотала я.

Откинулась на спинку стула. – Мое мнение и мои права никого особенно не интересуют. А ведь я тебя просила...

Глубоко вздохнула и уперлась руками в стол, поднимаясь. Мама попыталась схватить меня за руку, но я резко отдер-

нула ее.

– Сядь, – веско проговорил отец, обходя меня.

Мама птичкой выпорхнула из-за стола и ретировалась. Я даже опешить не успела. Еще бы, она свое дело уже сделала – выманила меня.

– А если не сяду? – из упрямства протянула я.

– Ты же не будешь устраивать прилюдных сцен? Я думал, ты уже достаточно повзрослела и получила сполна жизненных уроков.

Если он думал меня пристыдить, то просчитался – я действительно кое-чему научилась. Например, что если с тобой так настойчиво ищут встречи, то это может быть полезно. Не факт, конечно, что для меня. Но любопытно – уж точно. А уж что делать с результатами этой встречи – всегда можно будет придумать. Вряд ли в папеньке разыграли отцовские чувства, тут дело в чем-то другом.

– Итак? – я вопросительно подняла брови.

– Даже не поздороваешься с отцом? – хмыкнул тот.

– Здравствуйте, отец. Я внимательно вас слушаю.

Он поперхнулся. Господин армейский полковник не привык, что с ним так разговаривают.

– И тебе здравствуй, доченька, – буркнул он. – Да вот, хотел поделиться с тобой кое-какими новостями, только теперь не знаю, надо ли.

Фу какая детская уловка. Надо поугovarивать, доказать, что дочь все осознала и теперь будет послушной-послушной.

Тогда может и стоит уделить ей своего драгоценного внимания. И капельку информации.

Однако я внутренне подобралась. Не выдав себя, произнесла равнодушно:

– Что ж так?

И подперла голову кулаком.

– Как была ягода, так и осталась, – вздохнул отец.

Ожидал, что я расстроюсь, что расстроила его, но я лишь пожала плечами.

Он окинул меня уже более внимательным взглядом, потом быстро осмотрел зал, а после наклонился ко мне.

– Знаешь, твой Падуану на самом деле отличный следователь, один из лучших, я бы даже сказал.

– Он не мой, – невпопад отметила я. И добавила: – Я, собственно, и не сомневалась в его способностях, но спасибо, что подтвердил. Только как ты об этом узнал?

– Он смог отыскать косвенные доказательства того, что у тебя не было злого умысла в отношении Альена, – с официозом ответил отец.

И выразительно посмотрел на меня.

Я же могла только хлопать глазами. В голове сразу же зароились полчища вопросов, но ни один из них вслух не задала – голос попросту пропал. Оно и к лучшему. Зато я наконец-то поняла, что там невзначай бросил Падуану про Комиссию.

Отец так и не дождавшись от меня внятной реакции, сжа-

лился и продолжил:

– Следствие тогда не провели должным образом. Посчитали, что и так все ясно – есть подозреваемая, пойманная с поличным. Мотив, возможность реализовать – тоже все на месте. С нюансами никто разбираться не стал. И вот Падуану спустя столько времени заинтересовался твоим делом. Получил доступ, поднял все материалы, опросил оперативно всех, даже тех, кого изначально не посчитали нужным опрашивать. И нашел-таки медсестру, которая видела нечто подозрительное.

Он замолчал.

Я сжала зубы. Да что там следователь, который вел мое дело, когда собственный отец также не стал ни с чем разбираться. Что ему подсунули, в то он и поверил.

Отец демонстративно медленно отпил кофе из маминой чашки и все же вернулся к рассказу, так и не получив от меня уточняющих вопросов.

– Она видела, как некто подходил к твоему столу с медикаментами и инструментами. Этот человек ей показался подозрительным, но в тот момент она значения не придала. А когда все случилось...

И вот тут я все же перебила:

– Это был?..

– Она не знает, кто это был, – ответил отец. – Якобы видела со спины.

– Как это? Ну хотя бы описать его может.

– Не может. Или делает вид, что не может. Вроде бы она и обратилась сначала к одному из врачей сразу же после происшествия, но в той суматохе ее никто слушать не стал. А следователь не посчитал нужным прислушиваться к словам медсестры, которая что-то где-то видела. Зачем тому невнятные догадки, когда и так все очевидно? А вот Падуану заинтересовался. Не знаю почему, но он не дал этому ход, а пока лишь просто собрал информацию. Впрочем, не думаю, что даже его полномочий хватит, чтобы такие показания смогли повлиять на приговор. Или он просто ждет чего-то.

Последнее прозвучало как вопрос. Я пожала плечами. Возможно, Падуану собирает всю подноготную на эту семейку и воспользуется ею, когда придет подходящее время. Когда все будет настолько веским, что не придерешься, иначе к детям столь высокопоставленного человека не подступиться.

Отец мое затянувшееся молчание интерпретировал по-своему.

– Судя по твоей реакции, Падуану не стал посвящать тебя в свои находки.

– Не стал, – согласилась я.

– Ему зачем-то необходимо, чтобы ты была в поле его зрения. И для этого совсем необязательно держать тебя в курсе всех дел.

– Вполне вероятно, – вновь не препиралась я.

Отец удовлетворенно кивнул, а после снисходительно на меня посмотрел. Я решила чуть подыграть ему.

– Как же ты все это разузнал?

– У меня свои источники. И им я доверяю.

Ну да. В отличие от родной дочери.

Следующий вопрос не хотелось произносить, но он просто жег язык.

– Настолько доверяешь, что согласен с тем, что меня подставили?

Лучше пожалею, что спросила, чем буду корить себя, так и не узнав ответа.

Отец задумался.

– Да, это выглядит правдоподобно. Кто-то подменил препараты, рисковал, конечно, но, видимо, это того стоило в его понимании. Думаю, твой язык все же принес тебе парочку врагов в вашей среде, наверняка. – Я скрипнула зубами. – Но все это снимает с тебя только умышленное причинение вреда. А вот халатность никуда не делась.

Вот же непрошибаемый! Признать, что был неправ, извиниться перед дочерью? Нет, слишком жирно для нее будет. Все равно найти в чем обвинить – всегда пожалуйста.

Ни тогда, ни сейчас я не просила, чтобы он походатайствовал за меня перед Комиссией. Хотя у него и были ресурсы, авторитет. Мне всего лишь было нужно, чтобы отец понял, что его дочь – не взбалмошное чудовище. Понял и больше не ставил мне это в вину. Но нет, признавать своих ошибок он не собирался.

– Что ж, – произнесла я, хлопнув по столу. Чашки звякну-

ли. – Премного благодарна, что поделился со мной информацией. Приму к сведению. На этом позволь откланяться.

Я поднялась и поторопилась к выходу. Суровый оклик: «Мирелла! Мы не договорили!», меня не остановил.

Напротив выхода стоял экипаж, из окна которого выглядывала маменька.

– Поговорили? Вот и чудесно, – прошебетала она. Распахнула дверцу и пригласила меня: – Поехали.

– Как. Ты. Могла. – отчеканила я. — Я же тебя просила.

– Вы оба – жуткие упрямы, – отмахнулась она. – И вместо того, чтобы просто поговорить, пытаетесь переиграть друг друга – кто упёртее.

– Нет, мама. Я никого не хочу переиграть. Я всего лишь хочу, чтобы со мной считались.

– Не говори глупостей, – вздохнула она. – И поехали домой. Следователя твоего отец предупредит.

– Разумеется, – буркнула я.

И пошла прочь.

Мать в отличие от отца, ничего кричать мне вслед не стала. Это ведь ниже ее достоинства.

А я шла по улице, гонимая злостью и горькими слезами, которые нет-нет, да и катились по щекам.

Глава 2

Всю дорогу к служебной квартире мне не давали покоя мысли, как ни странно, не только о родителях. К этой давней обиде я уже настолько привыкла, что легко запихивала ее подальше в сундук подсознания, или где они там хранятся. Достану и разберу их тогда, когда появится возможность, если это вообще случится.

Сейчас же нужно было осмыслить другое. Как быть с Падуану? Спрашивать ли у него о повторном расследовании моего дела? Или дать ему возможность самому все раскрыть? Ведь если он сразу ничего не сказал, то явно преследовал четкую цель, а не просто забыл или не посчитал нужным оповестить меня. Просто понаблюдать за ним? Удачи мне в этом, ага. Более скрытного и сдержанного человека попробуй поищи.

Выходит, что Падуану очень важно было втянуть в это дело именно меня, раз так глубоко закопался в ту историю. И получается, что все эти намеки на Рэду, Фонсо, меня саму – просто рычаги, которые на самом деле никто и не собирался задействовать. Муляж, обманка. И что-то мне подсказывало – спроси я напрямик у следователя, правдивого ответа не дождусь. Как всегда, заговорит зубы, наведет тень на плетень. Тогда есть ли смысл тратить слова? Не то, чтобы у меня на них лимит, но проще тогда уж в пустоту их произнести, чем

так и не дожидаться внятного ответа от следователя.

Я остановилась и перевела дух – так быстро шла, что аж снег выпрыгивал из-под пяток. Я ни в чем не могу быть уверенной в случае с Падуану. Только в том, что для него мое участие в расследовании важнее, чем для меня, так получается. Сыграть на этом? Ха. Вот уж вряд ли он на мой неумелый шантаж поведется.

Хотела было продолжить идти и вдруг ошарашенно замерла. А что, если я просто следующая жертва? Мало ли что там Падуану говорил о ритуале. Он ведь не обманывает обычно, а просто недоговаривает. Может быть завершающим штрихом в обряде должна быть смерть или кровь не взрослого мужчины, а молодой женщины?

Проходящие мимо пешеходы недовольно обходили меня. Хорошо хоть никто не толкал. Хотя это мне может и не помешало бы. Выйти из ступора получилось не сразу.

За ужином, который нам предоставила приходящая прислуга, все заметили, что я излишне тихая. Ионит в силу такта ничего не спрашивал, лишь бросал на меня внимательные, чуть обеспокоенные взгляды. А вот Падуану сдерживаться не стал.

– Как прошла встреча с родителями?

Делиться подробностями? Нет уж.

– Занимательно.

Моя скупость следователя не устроила.

– Все в порядке? – напирал он.

– Насколько это вообще возможно для нас.

Я позволила себе улыбку, хотя губы и не сразу послушались.

Падуану удовлетворенно кивнул.

Я зло сжала губы и довольно громко стукнула вилкой по тарелке. Оба мужчины подняли головы. Сделала вид, что так и надо, и продолжила меланхолично жевать, хотя внутри и кипели страсти.

А чтобы и дальше не навлекать на себя излишних подозрений, я все же поинтересовалась:

– Как у вас продвигаются дела? Удалось узнать что-то новое или хотя бы выйти на пособников Промба?

Падуану медленно промокнул губы салфеткой, при этом не забыв бросить предупреждающий взгляд на помощника.

– Нет, пока тихо. Поэтому ждем, когда кто-то из них выйдет на вас. Предположительно они будут вас ждать в заведении у старой ратуши. Знаете, где это?

Я кивнула. Ну как можно так противоречить самому себе? Сначала заявить, что новостей нет, а потом указывать, где меня будут ждать.

– Это лишь предположение, полной уверенности нет, – добавил Падуану. – Завтра и проверим.

Я не выказала никакого энтузиазма, поэтому он уточнил:

– Проверим же?

– А у меня есть выбор? – вырвался вопрос.

Накатила вдруг такая тревога, что захотелось убежать от-

сюда куда угодно. Даже к родителям.

Порыв я, разумеется, сдержала, но Падуану заметил, как крепко я сжала вилку.

– Был. Теперь уже нет.

И я поняла, что не найди следователь точки давления на меня, не согласись я почти добровольно, он бы все равно нашел способ меня втянуть. А еще именно сейчас промелькнула мысль, что я даже не в курсе откуда следователь с помощником. Вероятнее всего они также местные. Тогда история со служебной квартирой еще подозрительнее. Я, конечно, тогда и сама не горела желанием отправляться к родителям, но кто заставлял эту парочку со мной селиться?

Я оглядела комнату словно впервые. Будто до этого смотрела на нее как сквозь дымку, рассеивающее внимание. Будто я так смотрела на всю свою жизнь последние пару лет...

Резко поднялась и направилась к выходу, даже не взяв пальто. В очередной раз за сегодня мне в спину понеслись требовательные возгласы, но я в них не вслушивалась. Промчалась по лестнице, чуть не свалившись кубарем, и выскочила на улицу. Прямо в объятия мороза. Он гостеприимно распахнул руки и вытянул меня из теплой парадной.

Ясно. Яркие звезды уже начали поблескивать на стремительно темнеющем небе. Из рта вырывались облачка пара, а мне хотелось еще и пуговички на платье расстегнуть, чтобы пробрало до самого нутра.

– Заболеть решили? – гневно произнес Падуану.

Он подошел сзади и накинул пальто, бесцеремонно положив руки мне на плечи, крепко сжав.

– Отстаньте, – буркнула я. – Мне нужно побыть одной. Остудить голову.

– И застудить все остальное, – выдохнул он. – Ладно, – внезапно покладисто уступил следователь.

И даже отошел, скрывшись в парадной. Вот и чудненько.

***

День выдался морозным и солнечным. Снег, подтаявший ранее, схватился ледяной коркой. Дорожки успели расчистить и посыпать не везде, поэтому идти по улице приходилось крайне осторожно. Добралась до нужного места я нескоро, хотя могла бы нанять экипаж. Но хотелось самой пройтись по знакомому-незнакомому городу.

Рядом со старой ратушей, которая сейчас была то ли музеем, то ли каким-то неведомым мне ведомством, внезапно оказалось не одно заведение. Точнее так – кофейня, что-то вроде злачного кабака, что было странно, учитывая вполне себе респектабельный район, и вполне себе приличный ресторан, куда я даже в лучшие времена вряд ли бы попала – запись там была на месяцы вперед. Помнится, Тобиар Драголич как-то хвастался, что праздновал там свой день рождения и бронировал кабинет за полгода.

На всякий случай я все же сунулась на порог.

Вид метрдотеля говорил: «Вы кто такая, вас здесь не жда-

ли». Значит, ничего не поменялось. Не больно-то и хотелось, хотя могли бы и кого повежливее поставить на вход.

В кабак соваться я уже не стала. То, что кто-то из шайки будет ждать меня именно там – мне такой вариант показался слишком очевидным, на поверхности. И я отбросила его, как только поняла, что за теми дверями.

Отправилась я в кофейню.

За пару лет в Брышеве я отвыкла от кофе – местные не особо жаловали этот напиток, соответственно, достать его было сложно. Там больше по чаю со вкусными добавками в виде травок и ягод. Но тут, как оказалось, варили кофе отменно. И все же на исходе второго часа в кофейне я заказала уже горячий шоколад. А вот это поприятнее будет – мягкая горечь, разбавленная сахаром и молоком, скрасила тяжесть ожидания.

Я старалась не слишком откровенно глазеть по сторонам, но время от времени все же осматривала зал.

Милая, уютная обстановка, интеллигентного вида посетители. Никого и ничего подозрительного.

Еще час и я все же заметила одного мужчину и семейного вида пару, которые сидели в разных концах зала. В их облике, на первый взгляд, ничего примечательного все же не было. Но на второй... то ли потому, что они упорно не встречались со мной глазами, смотря будто мимо, то ли пресловутая осанка – стоило им только чуть расслабиться, спина тут выравнивалась, а потом все по новой. Будто люди пытались

выглядеть непринужденно, но вбитые привычки мешали. В упор разглядывать я их не могла, но боковым зрением все же сумела заметить смущающие меня моменты. А если заметила я, то что мешает и бандитам? Впрочем, возможно тут дело в моей излишне в последнее время развитой наблюдательности. В любом случае, Падуану придется предупредить.

Я просидела еще пару часов. Выпила две чашки шоколада, чашку чая, слопала парочку пирожных – а что, за казенный счет можно было и не мелочиться. И все же ушла – персонал начал на меня коситься с подозрением. Не сказать, что меня это смущало, но дополнительное внимание ко мне сейчас точно ни к чему.

После вчерашнего срыва сегодня я была словно в легком оцепенении. Чуть заторможенная реакция, безразличие к происходящему. Я не беспокоилась об исходе, просто выполняла заранее продуманные действия, отмечала то, что должна была. Что с этим делать дальше – не мои уже проблемы. И поэтому даже никакой скуки за все то время, что была вынуждена просидеть в кофейне, не испытывала. Хотя, конечно, жаль, что не договорились о конкретном времени.

Пока шла обратно в квартиру, на морозном воздухе сознание все же несколько прочистилось. А когда уже приблизилась к дому, добавилась капелька раздражения – я стукнулась ногой о ледяную глыбу, да и усталость резко дала о себе знать. Этого оказалось достаточно, чтобы в недовольном тоне выплеснуть свое мнение об увиденном рано явившему-

ся Падуану. Видимо, у него тоже был не слишком продуктивный день. Хотя, возможно это было затишье перед бурей. Шербан благоразумно предпочел скрыться в своей комнате. Даже без ужина. Видимо, выглядела я действительно грозно.

– Все высказали? – флегматично спросил Падуану.

Я резко выдохнула, справившись с эмоциями. Надо же, вчера промолчала, сегодня полдня ходила ни рыба, ни мясо. А сейчас – поди ж ты, прорвало. Видимо, иногда стоит спускать пар, чтобы крышечка не слетала с чайника.

В основном я ворчала, что затея глупая. Бегать по общественным местам в поисках неведомо кого – ну что за ерунда? Будто неудачный розыгрыш, выдумка. Хотя погибший Сандор был вполне себе настоящим.

– Нет, не все, – выдала я уже спокойнее. – Не могли бы вы приставить следить за мной кого-то менее заметного?

Есть! Я наконец-то пробила маску то ли вежливого участия, то ли попросту равнодушия.

Он не стал спрашивать, как я вычислила соглядатаев. Лишь в удивлении приподнял брови, а после криво усмехнулся, вероятно, не веря в мою наблюдательность.

– Учтем, – только и произнес Падуану.

Я кивнула и заключила:

– Вот теперь все.

И ушла к себе. Голодной я себя не чувствовала – десерты вполне и даже излишне сытная еда.

Вытряхнула из сумки купленный на днях томик приклю-

ченческого романа и собралась его почитать. Но быстро отложила – можно подумать, мне теперь в жизни мало приключений. Да и приглушенные голоса из гостиной отвлекли.

Я взяла стакан и тихонько прилипла к двери. Слышно было плохо, разобрать что-либо получалось с трудом, да и не разобрать даже, а отчасти догадаться.

Было ли мне стыдно, что подслушиваю? Нет! Было лишь досадно, что не все расслышала.

Самой отчетливой оказалась реплика Ионита: «Нас ждет срыв».

И почему-то подумалось, что это обо мне.

Падуану буркнул что-то вроде: «Не должна. Справится».

Надо же, как верит в меня.

«Лучше бы ты ей все рассказал.»

«Лучше бы тебе свое мнение оставить при себе. Когда будет нужно, обязательно спрошу.»

Ишь какой едкий!

Однако Ионит... рассмеялся. Легко, непринужденно, насколько я могла судить.

Я на всякий случай поковыряла в ухе пальцем. Ничего не застряло.

Шербан никогда при мне в обществе своего начальника так вольно себя не вел.

«Боюсь, я до этого момента попросту не доживу. Поэтому, дядюшка, лучше бы тебе это делать, когда еще есть возможность.»

Дядюшка?

Я аккуратно отняла стакан от двери. Понюхала его. Алкоголем не пах, и утром я из него точно пила только воду, никакого спиртного. Тогда какого нечистого сейчас я услышала? Может, тут двери из особой древесины – так причудливо искажают звуки?

Новость о родстве Падуану и помощника перекрыла даже осознание того, что племянничек уговаривал дядюшку мне все рассказать. Неужели правду про ритуал и мое участие в нем?

Впрочем, может, никакого родства и нет, а это просто прозвище.

Стакан чуть не выскользнул из рук, когда я в задумчивости перекладывала его из одной ладони в другую. От греха подальше решила все-таки свернуть шпионскую деятельность. Вернулась к столу, взяла книгу и окунулась в выдуманную историю, чтобы меньше думать о загадках в реальности.

На следующее утро я дождалась, когда соседи покинут квартиру, и только тогда вышла из своей комнаты. В каком-то лихорадочном предвкушении выпила кофе, даже ни разу не скривившись от горечи, закинула в себя скудный завтрак – есть хотелось слабо, как ни странно. И выскочила на улицу.

Погода меня обманула. Если вечером было довольно морозно, и ясное небо сверкало первыми звездами, то ночью

пошел снег. И теперь улицы застыли в снежном безмолвии. Дороги не чищены, тротуары заметены по колено. Ни дворников, ни просто прохожих.

Ничего себе стихия разгулялась за такой короткий срок. А вот стихийники, судя по всему, гулять точно не собирались. Вспомнилась разгромная статья в проправительственной газете, которую я на днях позаимствовала у Ионита и только вчера наконец-то полистала. Книга оказалась на редкость скучной, приключения не увлекательными, пришлось довольствоваться местными сводками.

Стихийники ранее брали подработки – помогали городу справляться с сильными ливнями, снегопадами. Работа не постоянная, да и всегда было достаточно пары человек. Уж не знаю, как они между собой распределяли чья очередь, но судя по всему такую работенку брали самые неприхотливые – денег за нее давали немного. Власти города те еще экономные жуки, где не надо в основном. А не так давно стихийники устроили забастовку. Дескать это ниже их одаренного достоинства так низко оценивать свою работу, почти на уровне обычных дворников. Журналист в той статье едко прошелся по ним: ишь чего захотели, презренного золота, вместо того, чтобы честно и почти безвозмездно служить на благо общества.

Действительно, негодники какие – захотели справедливой оплаты своих трудов.

Помнится, тот стихийник, который помогал в том числе в

поместье Драголичей под Брышевым, упоминал, что на частных заказах зарабатывает вполне достаточно, чтобы его семья ни в чем не нуждалась. А стоило только ради крох связаться с государством, так потом не отвяжешься, еще и должен останешься.

Хотя радовало уже то, что хоть школьное, хоть высшее образование у нас в стране было бесплатным. В школу обязаны были ходить все дети – между детьми с Искрой и без нее разницы не делали. Правда, первые еще и должны были учиться обуздать свою Искру, чтобы никому не причинить вреда. А учеба в университетах, которых было три на всю страну, давалась можно сказать авансом и компенсировалась лишь в том случае, если выпускник уезжал за границу. Считалось, оставаясь внутри страны, обученный человек в любом случае принесет ей пользу. Хоть делом, хоть налогами. Видимо, выгода в этой стране действительно была, раз за сто лет, как ввели правило, его не изменили. Но вот место работы выпускник искал уже сам. Кому-то везло – его замечали и тут, в столице. Можно было устроиться в хорошее место с неплохими перспективами. Кто-то ради этих перспектив разъезжал по стране. Я же должна была остаться под руководством мэтра Матея, набирать материал для квалификационной работы. По судебной медицине, разумеется.

Увы, меня все-таки распределили насильно, не спрашивая мнения.

А стихийники все же молодцы – настаивают на своем. Еще

парочка таких снегопадов и властям придется с ними договориться. В ход, наверняка, пойдет и шантаж с угрозами, но солидарность этой братии не даст никому сдать.

Даже несмотря на то, что передвигаться было крайне затруднительно, шла я улыбаясь. А вот большая часть тех редких пешеходов, что встречались мне, были с хмурыми лицами – пробираться сквозь плотный снег непросто. Обычные дворники не справлялись. На дорогу можно было даже не смотреть – извозчиков и экипажей там не водилось. Мимо проползла парочка саней и не более.

Тот путь, что еще вчера занял у меня полчаса, сегодня я осилила больше чем за час. Сильно продрогла и мечтала лишь о чашечке чего-нибудь горячего. Возможно, даже с капелькой коньяка. Скорее всего зря я сегодня героически преодолевала весь этот путь, но раз уж настроилась, то пройду до конца.

Однако, чем ближе я подбиралась к кофейне, тем чище становились улицы. Что ж, видимо властей надолго не хватило, чудесно.

Когда я поравнялась с крыльцом ресторана, метрдотель, что еще вчера так нелюбезно выставил меня вон, вдруг расплылся в приветливой улыбке. Не в ответе же на мою? Я вообще не ему улыбалась, а собственным мыслям. Да и вдруг он это все же не мне. Увы, позади никого не было.

– Госпожа Илейнс? – произнес он, с надеждой разглядывая меня. Редкие снежинки не мешали ему.

Я остановилась, приподняла брови и ответила:

– Слушаю вас.

Получилось резко.

Он не смутился, наоборот, расплылся в еще более широкой улыбке и выдохнул с облачком пара:

– Доброго вам дня. Прошу вас, – он махнул рукой, открывая дверь в теплое помещение. – Вас ждут.

Сама любезность, ну надо же.

Спрашивать, кто именно меня ждет, я не стала. И так понятно. Хотя и неожиданно, что выбрали именно это место. Решили подстраховаться и сбросить хвост, если он есть? Я украдкой посмотрела по сторонам. Никого подозрительного, да что там, вообще никого. Не то, что следовательских соглядатаев. Улицы все также были непривычно пусты, поэтому скрип шагов любого, кто оказался бы недалеко, слышался бы отчетливо.

Хорошее настроение окончательно улетучилось, оставив после себя лишь дрожь тревоги.

Однако улыбку с лица я не согнала.

– Благодарю.

И прошла внутрь.

Там меня встретил уже другой человек, вероятно, официант. Ровная спина, натянутая шея, что видны сухожилия. Он будто пытался что-то высмотреть поверх меня. Дерганые движения рук, из-за чего полотенце на локте раскачивалось как маятник. И шумное, еле сдерживаемое дыхание.

– Пройдемте.

Он аккуратно ухватил меня за предплечье.

Ничего себе...

Я даже пикнуть не успела, как карман его сюртука оттопырился, и сквозь ткань появилось очертание продолговатого предмета, прикрываемого гуляющим полотенцем.

– Надеюсь, предупреждать не нужно? – проскрежетал тип.

Даже обычный кивок дался тяжело, словно мышцы шеи одеревенели, а плечи свело.

И уже совсем нелюбезно потащили меня по коридору, в сторону от входа в зал. Вероятно, к служебным помещениям. Вокруг стояла такая тишина, что звуки шаркающих шагов и тяжелого дыхания громом разносились в воздухе, эхом отражались от стен. Прогулка в неизвестность шла через богатую обстановку, освещенную мягким светом кованых ламп. Пушистые ковры на полу, ноги в них утопали, а грязь, казалось, совсем не прилипала. Стены в панелях из темного дерева с затейливым узором сверкали лаком. Охровые тканевые обои над панелями создавали ощущения тепла и уюта. Вот только меня пробирал холод. Разве что зубы не стучали.

Довели до двери в конце коридора и грубо выпихнули за порог. Похоже на склад, где под потолком качался тусклый светильник, слабо рассеивая полумрак. Из-за ближайшего стеллажа выскочил другой тип. Этот уже не стеснялся – держал револьвер на виду.

– Угу, – буркнул он официанту.

Видимо, кивком выразил благодарность, что поделщик благополучно сопровождал меня тихо и беспроblemно.

Подозреваю, кричать бесполезно. Из-за стихийного коллапса вряд ли тут много посетителей, если они вообще были. А персонал скорее всего сделает вид, что ничего не происходит – то, что я вообще появлялась рядом, не то, что здесь, не докажешь. Свидетелей-то нет. «Ничего не знаю, моя избушка с краю». Моя же охрана явно заплутала в снежных улочках.

Засада.

– Пошли, – неприветливо дернул дулом мужчина.

Вот он как раз выглядел как типичный бандит. Даже в чем-то карикатурный. Высокий, крепкий, коренастый, с недельной щетиной на бугристых от оспин щеках. Нос неаккуратно сросся после неоднократных переломов. Одежда хоть и чистая, но мятая, выдавшая виды, а вот ботинки, на удивление, хорошие такие, дорогие. На макушке кепка, прикрывающая лысину. А уж улыбка, демонстрирующая отсутствие парочки зубов... зловещая.

Спросить кто он и куда меня собрался вести? Не уверена, что получу нужные ответы. А вот недосчитаюсь своих зубов или еще чего – целых пальцев, например, запросто. Вряд ли тип такой «приятной» наружности будет со мной любезно беседовать.

Однако, серьезно настроились поделщики Промба.

Я не успела осознать, насколько простодушно поверить

сейчас, что ни мэтр, ни его приспешники, не причинят мне вреда, что вообще это какая-то ошибка, его оговорили, меня с кем-то перепутали, и все разрешится благополучно. Нужно было думать, как теперь выпутаться из этой ситуации с наименьшими потерями. Думать, что обойдется вообще без них – даже у меня такой наивности теперь нет.

Тип довел меня до еще одной двери, за ней – широкий коридор и выход на задний двор. Видимо, сюда привозили продукты. Там стоял фургон, запряженный двойкой. Фургон был на санях, поэтому вопроса, как смогли проехать, не возникало. И как смогут уехать...

К нему меня и доставили, открыли сзади дверцу и издевательски протянули:

– Прошу.

Я бы ответила, что премного благодарна, но меня просто запихнули внутрь, для ускорения добавив тычок в спину. Сама галантность, чтобы его нечистые разодрали!

На улице я не успела заметить никого, кроме возницы. С тоской огляделась по сторонам уже в фургоне, насколько позволяла теснота. Нагромождение ящиков, большая часть из них была пустой, в некоторых еще оставался провиант. Я чуть не упала, ухватившись за ближайший. Раздался грохот. Непрочная конструкция завалила и без того узенький проход.

Мужик возмущенно цыкнул и с дребезжащей в голосе яростью сказал:

– Тихо.

Фургон плавно тронулся, но мы с бандитом покачнулись. Хвататься за ящики я уже не рискнула и лишь чудом удержалась на ногах, неотрывно следя за дулом, все еще направленным на меня.

По ощущениям фургон ехал неспешно, иначе в общем-то и быть не могло, но вот как далеко меня повезут, неизвестно. И узнавать мне не хотелось, поэтому...

– Обвяжи как сможешь себе руки.

Бандит бросил мне веревку.

Ну что ж, приступим.

Я села на ящик. Под неусыпным надзором накинула веревку себе на запястья. Озябшими пальцами сделала нетугой узел, оставив достаточно длинные концы. Света было мало – лишь небольшая щель сбоку разбавляла темноту. Впрочем, этого было вполне достаточно, чтобы осветить что надо, а что надо – скрыть.

Я излишне долго возилась, делая вид, что не могу справиться с веревкой. Бандит, наконец, заметил заминку и чуть придвинулся ко мне, держа в опасной близости револьвер. Ногой он оттолкнул попавшиеся на пути ящики. Пару досок хрустнуло, как раз в такт моим звенящим нервам.

А после время замедлилось и произошло ровно то, что случилось и с Падуану. Недооценка соперника.

Я росла в семье военного, у меня был старший брат. Отец научил управляться с огнестрельным оружием, как он гово-

рил – лишним не будет, а брат – преподавал немало уроков рукопашного боя, пытаясь вбить хотя бы основы.

– Надеюсь, тебе это никогда не понадобится, – говорил Фонсо, ставя мне очередной синяк, когда я не могла увернуться.

Спасибо, братик, пригодилось.

Я резко развела руки в стороны, насколько позволяла длина веревки и проход, и так быстро, как только могла, накинула ее на запястье бандита. А после дернула на себя. В голове была только одна мысль – он промахнется, а я увернусь. Сдаваться без боя я уже в любом случае не собиралась.

Выстрел все же раздался, раздробив доски ящика у моего бедра. И время, которое теперь ускорилося.

Тип качнулся, хоть и не упал, а фургон тряхнуло. Вероятно, лошади испугались резкого звука выстрела. Мне оставалось лишь воспользоваться ситуацией.

Так и не выпуская рук бандита, я дернула еще сильнее, почти завалив его. Он наклонился достаточно для того, чтобы я коленом заехала ему в лицо. А дальше – дело техники. Удар в район печени, потом в то место, где ему должно быть наиболее больно, чтобы точно не успел очухаться.

Он упал, захрипел. Револьвер с грохотом приложился о пол. Я не сразу заметила его, а когда уже спохватилась, бандит тоже попытался дотянуться до него, все еще корчась от боли на полу.

Что я еще могла сделать? От всей трепетной женской ду-

ши впечатала каблук в его запястье. Не знаю, послышался ли хруст, или это доски ящика попали под раздачу, мне было все равно.

Я даже не стала разбираться где там защелки у дверей, попросту снесла их ногой – азарт драки клокотал внутри, разливая в крови возбуждение и бесстрашие.

Скорость у фургона была небольшой, поэтому вывалилась я на снег практически безболезненно. Тем более, что ближайший сугроб оказался вполне себе мягким и удобным.

Я выглянула из него – далеко ли уехали мои несостоявшиеся похитители. Оказалось – не особо. Встревоженные лошади плохо слушались возницу, зарывались в снег и сани еле ползли.

А вот теперь можно было воспользоваться и папенькиными уроками. Благо видимость была замечательной – редкие снежинки совсем не мешали.

Долго разглядывать куда целиться – времени не было. Сходу решила, какая точка может быть наиболее уязвимой – там, где дуги саней крепились к основанию. Три выстрела. Попала вроде бы дважды, но этого хватило. Раздался треск, дуга лопнула, увязнув освободившимся концом в снегу. Лошади испугались и собрались было унести, но ящики вместе с бандитом скатились в подстреленный угол, не дав саням развить хоть какую-то скорость, застопорив их. Фургон окончательно остановился.

Улица и без того не слишком оживленная, вмиг опустела.

А я осталась один на один с разъяренными бандитами.

Глава 3

Оскал на лице мужчины должен был меня испугать, но нет. И разъяренный взгляд не вызывал оторопи. Сумасшедшее бесстрашие все еще бурлило во мне. Бандит прижимал поврежденную руку к себе и пытался выбраться из слегка расширившегося проема фургона – дверца висела на одной петле и грозила отвалиться окончательно.

Возницы видно не было, но это секундное дело.

Я, все еще сидя в сугробе, быстренько прокрутила барабан. Две пули, впритык. Но хотя бы так.

«Направляй револьвер на человека только тогда, когда готова выстрелить», – вспомнилось наставление отца.

Ох как мне этого не хотелось, но...

По ушам резко ударил свист. Раздался шум, гвалт. Из окрестных улочек сбежались постовые, мимо меня пронеслась вчерашняя парочка соглядатаев.

Однако... Быстро они. Явились именно тогда, когда основная работа выполнена.

На меня внимания никто не обращал – все устремились к фургону. Возницу цапнули первым. Того, что был со мной, не церемонясь, вытащили наружу. Впрочем, он особо и не сопротивлялся уже.

Все это быстро, слаженно. Чего только раньше не явились?

Я сидела в сугробе и отстранённо за всем этим наблюдала. Спокойно так, тихонечко. Почти расслабленно. Не затоптали стражи порядка и ладно. И сидела так до тех пор, пока меня не подхватили подмышки и не принялись отряхивать от снега, целенаправленно избегая той точки, на которой скорее всего снега и было больше всего.

За спиной раздался голос:

– Мой отец частенько просит составить ему компанию на охоте. Толку, правда, от меня мало – стреляю скверно, да и в целом охоту не слишком одобряю. К чему это я... – Дориэн Драголич обошел меня, внимательно осматривая. И взгляд такой, типичный врачебный. Видимо, пытался удостовериться, что со мной все в порядке и что я уже вполне обеснежена. Он продолжил: – От вас он был бы в восторге. С такого расстояния и с такой точностью.

Драголич качнул головой и присвистнул.

Я растерянно пробормотала:

– Первый раз стреляю по движущейся мишени. Обычно по статической и то давно уже... – И зачем-то добавила: – Я тоже охоту не одобряю, если только это не нужно для выживания.

– А вам, судя по всему, было нужно.

– Наверно, – тихо прошептала я, содрогнувшись от дрожи. – А вы...

– Мимо проходил. Только вернулся в город и сразу – свидетель захватывающей истории. Не знал бы, что вы бывший

медик, поверил бы, что давно и плодотворно работаете на службу безопасности или расследований.

Я закусила губу и неопределенно хмыкнула. А потом вычленила слово «бывший» и тяжело вздохнула. Вот еще.

Драголич посерьезнел. Уже аккуратнее он придержал меня за плечи и внимательнее всмотрелся сначала в глаза, а потом обвел взглядом всю, вернувшись к лицу.

– С вами все в порядке? Вы не пострадали?

Меня все еще охватывал азарт борьбы, поэтому даже если и повредила чего, пока что сообразить об этом не могла.

Покачала головой и отступила на шаг. Нога предательски наступила на скрытую снегом наледь. Драголич тут же пришел на помощь – вновь ухватил меня за плечи, немного тряхнув, но зубы все-таки клацнули.

– В порядке, – выдохнула я.

Он кивнул, а я вместо того, чтобы отодвинуться с уже большей осторожностью, уцепилась за воротник его пальто, уткнулась лицом в грудь и разрыдалась.

Вместе со слезами тело покидала агрессия, болезненная злость. На морозе щеки начало щипать, но было все равно, даже если я примерзну к драголичевскому пальто. Шерсть неприятно колола кожу, но оторваться от показавшейся такой надежной груди и плеч я не могла. Так и продолжала размазывать по ним сопли и слезы.

Дориэн лишь переместил одну руку с плеча мне на спину и чуть крепче прижал меня к себе.

– Это ничего, – бормотал он слегка растерянно мне в макушку. Волосы растрепались, шапка куда-то подевалась. – Это нормально. Все закончилось и ваш организм так избавляется от напряжения.

Мой очередной всхлип перешел в смешок. Ох уж эти медики, пусть даже и бывшие. Даже утешить по-человечески не могут. Я прерывисто вздохнула и вновь всхлипнула.

– Поплачьте, так надо. – Он круговыми движениями потер мне спину. Напряжение действительно выходило из меня вместе со слезами, дрожью, охватывавшей все тело. Становилось легче. – Сильной вы побыли, теперь можно и послабление себе дать. Вы молодец. Храбрая и смелая. А главное меткая. Столько талантов и все вам одной.

Я опять захлебнулась всхлипом, перетекшим в смех, а затем и в кашель.

– В общем-то, я совсем не против, что вы ищите утешения, крепко прижимаясь к моей груди, – произнес Драголич дальше, – но может хотя бы перейдем в теплое место?

Он прав, мне не помешало бы сейчас в тепло, но... Я принялась озираться. Должен же появиться хоть кто-то, кто объяснит все и вообще опросит меня в конец-концов. Или сделала дело и могу гулять дальше?

Я отодвинулась уже более уверенно. С одной стороны, если я сейчас окажусь в тепле, меня накроет уже сонливостью – после эмоционального всплеска это неизбежно. С другой – если не согреюсь, то неминуемо заболею. Посиделки в су-

гробе, несмотря на всю мою закаленность в Брышеве, вряд ли обойдутся без последствий.

Не успела ничего ответить, как наконец-то подскочил розовощекий молодой паренёк в форме.

– Госпожа Илейнс?

Сегодня этот вопрос уже звучал в мою сторону и до добра не довел.

Я отстранённо проследила, как Драголич встал так, чтобы частично прикрыть меня от постового.

– Что нужно?

Паренек смутился. Родственник Шербана что ли?

– Вам приказано отправиться в департамент службы исследований. Экипаж вас ждет у ближайшего перекрестка, – выпалил он.

Видимо, опасался, что я его перебую, и он не успеет справиться с заданием.

А потом я перевела взгляд на свою руку, в которой все еще сжимала револьвер. Надо же, совсем забыла про него.

Действительно, опасаться девушку с оружием – это не трусость, а вполне себе здравомыслие. Чего, судя по всему, у Драголича не было – он-то и бровью не повел.

Я кивнула после сообщения постового. Он облегченно выдохнул и тут же быстрым шагом, насколько это получалось в нынешних условиях, ушел. Облачко пара его возгласа растаяло в воздухе.

Револьвер начал оттягивать руку. Захотелось забросить

его куда подальше. Но... Не стоит забывать, что я все-таки действительно сейчас на службе. Поэтому в один карман вытряхнула оставшиеся патроны, в другой засунула сам револьвер и собралась попрощаться с Драголичем.

– Господин Драголич...

– Дориэн.

– Что?

– Имя мое, думал вы и так в курсе.

Я опешила.

– Разумеется я в курсе, но при чем здесь ваше имя? Не думаю, что уместно...

Меня вновь бесцеремонно перебили:

– После всего, что тут только что было, – он демонстративно мазнул перчатками по мокрым пятнам на своем пальто, – вы, как честная девушка, а вы ведь честная? – Я растерянно кивнула. – Вы просто обязаны обращаться ко мне теперь по имени.

Лихо он. И вместо того, чтобы разозлиться, я рассмеялась.

Эти эмоциональные качели меня сегодня добьют. Впрочем, смеяться всяко лучше, чем вновь рыдать.

– Хорошо, Дориэн.

– Мирелла, я провожу вас до департамента, – в который раз он не дал мне договорить. И как только я открыла рот для вопроса, тут же продолжил: – К тому же я свидетель. Кто еще так точно и красочно подтвердит ваши стрелковые навыки? Мои показания вряд ли будут лишними.

Мне осталось только хлопать глазами. А пока я пыталась собраться с силами и мыслями, Дориэн выловил из сугроба мою шапку, отряхнул ее и деловито натянул мне на голову. Оценил работу, хмыкнул и сдвинул ее чуть лоб. Я фыркнула, пытаюсь сдуть прядь, что щекотала нос. Волосы под шапку я уже сама заправила. А то дай некоторым волю, мало ли какое у кого чувство прекрасного.

Драголич перехватил мою руку, чуть сжал ее и расположил на своем локте. После произнес, оглядываясь:

– Где тут ближайший перекресток?

У экипажа меня поджидали.

– Илейнс? – осведомился возница.

Надо же, безо всяких госпожей.

– Прошу.

Передо мной открыли дверцу.

– А...

Кивнул на Драголича.

– Это со мной, – рассеянно пробормотала я.

Возражать никто не стал.

Дориэн подал руку, и я забралась внутрь.

Мой спутник всю дорогу непринужденно болтал о пустяках. За что я была безмерно благодарна – отвлекал он хорошо. Я цеплялась за его голос, чтобы не провалиться в собственные мысли – что и как могло произойти, если бы все пошло по-другому...

Охранник у входа в департамент также уточнил мою фа-

милию, кто меня сопровождает. Драголича пускать не хотели, и он, пока меня обыскивали, молча стоял у входа. Пока я думала, как уговорить пропустить и Дориэна, наткнулись на револьвер. Пришлось пояснить:

– Вещдок.

– Не положено.

– Ну тогда я никуда не пойду дальше.

И уселась прямо там, у входа, на подоконник. Подышала на стекло и собиралась уже нарисовать неприличный символ, как опешивший охранник буркнул:

– Я сейчас вызову подкрепление.

– Сами с хрупкой девушкой не справитесь? – мило прошептала я.

Мало того, что бросили одну на произвол судьбы ранее, так теперь с законным трофеем не пропускают. А вдруг он важная улика?

Драголич косился на меня с улыбкой, сложив руки на груди и подпирая стену по другую сторону окна. Он не вмешивался, а просто наблюдал. Развлекается за мой счет, ну-ну.

Не знаю кто меня покусал, что там в меня вселилось, но бесить все стало невероятно. Они видите ли рискуют моей жизнью, а теперь не разрешают с незаряженным револьвером ходить. Поднимать вопрос, что я вообще-то ссыльная на поруках особо важного следователя? Пф-ф-ф, сделаю это как-нибудь позже.

Вместо крепких охранников прискакал Шербан.

– Миррелла, с вами все в порядке? – забеспокоился он.

– Все отлично, – бодро отрапортовала я.

И улыбнулась так, что Ионит отшатнулся. И это револьвер был не у меня в руках, а лежал на столе у охраны.

Он повернулся к охраннику и спросил у того, зачем же вызывали. Я успела перебить:

– Во-первых, вот это, – я ткнула пальцем в револьвер, – важная улика. Не уверена, что ее стоит оставлять здесь. Во-вторых, со мной еще и важный свидетель. Нужен? Или будете разбрасываться ценными сведениями?

Помощник тяжело вздохнул, проговорил что-то охране – я не расслышала, и приглашающим жестом указал на проход.

– Тогда пройдемте.

Охранник недобро покосился на меня. Могла я, конечно, клацнуть зубами у него перед носом, но вот это уже точно был бы перебор. Тогда и Падуану меня не спас бы.

Я чувствовала себя словно пьяная. Беспричинное веселье и непроходящий азарт вновь забурлили во мне, грозясь вылиться в ненужную сейчас отвагу и немножко бесшабашенность.

– Оригинально вы справляетесь со стрессом, – прошептал на ухо Драголич.

Я пожала плечами. Сама не ожидала.

Один коридор, другой, поворот, лестница еще проход и, наконец, кабинет. И без того бедовая голова чуть не закружилась.

Ионит дал Драголичу бумагу и чернила с ручкой, усадил за стол и приказал как можно тщательнее записать все, что тот видел и слышал.

– С вами еще побеседуют, а пока запишите, – предупредил помощник.

Ясно, ему нужно, чтобы Драголич был при деле, пока не явится следователь.

Мне же Шербан принес горячего чая и бубликов.

– Падуану скоро будет, решает последние вопросы с... бандой, – понизил он голос.

– А почему вы не с ним? – поинтересовалась я.

Обычное любопытство, но Ионит вдруг смутился.

– У меня много бумажной работы, – похлопал он себя по карману, откуда выглядывал блокнот. – Быстрее приступлю, быстрее наведу порядок. А работы с этим очень много, – вздохнул помощник. – Еще столько всего предстоит... Впрочем, господин следователь вам сам все расскажет потом, – он прокашлялся, – наверно.

Озвучивать догадку, что господин следователь сейчас вероятно вытворяет то, что документировать не стоит, было бы слишком. Вот только зачем было мое участие, если на банду все равно вышли? Хм... Ведь судя по всему, охота на нее все же оказалась удачной, раз в здании департамента так малолюдно. Во всяком случае, пока шли к кабинету, никого не встретили и даже шороха не слышали, кроме как скрипа половиц под нашими ногами.

Шербан сел за второй стол, и кабинет погрузился в сосредоточенную тишину, разбавленную царапаньем ручки по бумаге и хрустом бубликов. Ими я поделилась и с Драголичем.

Когда от чая остались лишь капли на чашке, а от бубликов – крошки в тарелке, ворвался черных вихрь.

Такого всполошенного Падуану я еще не видела. Без шляпы, волосы в беспорядке, пальто нараспашку и, о ужас, комок грязи на ботинке. И это когда кругом только снег...

Он открыл рот, вперился взглядом в мирно сидящего Драголича и закрыл рот.

Подумалось, что от следователя начнёт валить пар. Как минимум – заструятся кольца дыма из нервно вздрагивающих ноздрей.

– Что. Он. Здесь. Делает, – процедил он отрывисто.

Шербан предусмотрительно затих и забился в угол, слившись со шторой и не забыв трепетно прижать блокнот к груди.

Я оперлась о край стола рукой и положила на нее подбородок.

– И вам добрый день. Господин Драголич записывает свои свидетельские показания, – ответила я.

Ионит закивал. Правда, из-за шторы это было тяжело разглядеть.

Дориэн отложил ручку и перевел взгляд с меня на следователя, потом обратно, потом...

– Подождите в коридоре, – отчеканил Падуану и уже из-

девательски добавил: – господин Драголич.

Дориэн выжидательно посмотрел на меня.

Я же, совсем не стесняясь, похлопала его по руке и произнесла:

– Не переживайте, не съест же он меня.

Сзади раздалось нечто похожее на рык. Хм, а может и съест.

Драголич кивнул и поднялся. Падуану с его пути отходить не стал. Дориэн лишь в последний момент отодвинул свое плечо, слегка мазнув им по падуановскому рукаву.

Дверь закрылась тихо.

Вспомнилось, как следователь сидел в коридоре у меня дома, пока я разбиралась с Драголичем. А теперь поменялись местами...

Падуану лишь прочистил горло, как Ионит зашуршал в углу и принялся бочком пятиться к выходу.

Мы остались вдвоём.

Следователь придвинулся ко мне плавно, чуть ли не скользящими движениями, лишёнными резкости. Молча стиснул мои плечи и приподнял со стула.

Нет уж, хватит на сегодня столь бесцеремонного проникновения в личное пространство.

Я также плавно отодвинулась. Падуану сдавленно выдохнул сквозь зубы, его руки медленно опустились. Ладони сжались в кулаки. Он отступил на шаг, оглядел меня внимательным взглядом и наконец произнес:

– Вы не пострадали, Мирелла? С вами все в порядке?

– Относительно, – нервно хмыкнула я.

– Меня предупредили, что... беспокоиться о вас не стоит, но... – Он провел рукой по лицу. – Хотелось убедиться лично.

Я промолчала и села на стул. И пусть Падуану продолжал стоять, я не ощущала себя ниже его.

Он принялся нервно мерить шагами кабинет.

– В-первую очередь, я прошу прощения у вас, что подверг опасности. Этого не должно было случиться.

– Но случилось, – вздохнула я.

Передвинула пальцем стопочку бумаги. Случайно задела те листы, что старательно заполнял Драголич. Украдкой взглянула на написанное. Для бывшего медика у него на диво каллиграфический почерк. Четкие, аккуратные буквы не скакали, а шли ровными рядами. Возможно, сказывается нынешняя специализация.

– Случилось, – подтвердил следователь. Он вдруг успокоился, подобрался. Будто кто-то другой еще минуту назад пытался продавить пятками пол. Падуану скинул пальто на вешалку, взял стул из-за стола и сел напротив меня, положив ногу на ногу. – И, что самое интересное, тот человек, к которому вас якобы везли, утверждает, что ничего об этом не знал. Ни о запланированной встрече, ни о вас, ни о том, что Промб вновь под арестом.

Оцепенение разом прошло.

– И вы ему верите?

– Нет оснований не верить именно в это его утверждение.

– Бессмыслица какая-то. Промб ведь связался как-то со своими подельниками. И зачем вообще я вам была нужна, если вы все равно вышли на этих людей? Что вообще происходит?

– Мы хотели связать Промба и эту банду, одна записка – не в счет. А вот встреча и договоренности – уже более весомо. Когда вас похитили, уже не было времени разбираться с доказательствами, нужно было быстро все решать.

– И как, удалось решить?

– Насчет послания пока предположения, что его перехватили. Кто, как, почему этот бандит вас сопровождал, выясняем.

– А что он сам говорит?

– Пока молчит. Менталисты будут с ним работать... – Падуану достал часы, – через двадцать минут. – И резко захлопнул крышку. – Только вот этот субъект действительно принадлежит той банде. И Промб имеет к ним отношение. Выписывал рецепты, сам поставлял некоторые... препараты и ингредиенты для них. И даже ссылка, судя по всему, препятствием не стала. Подельники под видом коммивояжёров наведывались время от времени к нему. А брышевская полиция, которая приглядывала за вами, этот момент упустила. Хотя, в отличие от вас, Промб пределы Брышева покидать не мог. Отследить его контакты не составило бы труда.

Все это было важно и интересно, но я уцепилась за другое.

– Только не говорите, что мэтр продавал еще и ...

– Кровь, – закончил за меня Падуану. – Вы же в курсе, что она используется в некоторых специфических препаратах. И безо всяких ритуалов.

Еще бы. Нелегальные умельцы бывало применяли кровь для изготовления полументальных веществ. Те использовались для одурманивания, кратковременного внушения или стирания памяти. Стоили такие препараты баснословных денег. Тут и сложность работы, и индивидуальное изготовление. Не говоря уже о том, что подобное строго наказывалось – вплоть до пожизненного. В зависимости от отягчающих факторов. Врачи тут обычно участвовали на начальных этапах – изготавливали уже другие люди. А изъять кровь, надежно законсервировать могли лишь они. Без Искры и тонких навыков – не сделать. Однако найти желающих на подобное было не так-то просто. Обычно, если совсем уже терять было нечего. Как раз случай Промба. Хотя мог бы и не усугублять.

– Вы, вероятно, знаете только причесанную версию, как ваш милейший доктор оказался в Брышеве, – заявил Падуану.

– Знаю только то, что у него умер пациент. Он говорил, что там чистая случайность, но родственники погибшего решились иначе. И у них хватило ресурсов засудить Промба.

Следователь недобро усмехнулся.

– В том случае, который рассматривался судом и Комиссией, в общем-то так и было. Только не случайность, а халатность. Как у вас, да, – добавил он. – С той лишь разницей, что ваш пациент отделался усугублением травмы, а у Промба – умер. Однако не так давно выяснилось, что у Промба было подозрительно много тяжелых больных, которые через какое-то время после его «лечения» умирали. Ничего удивительного в этом на первый взгляд не было – все они действительно не имели шансов, и смерть их подозрений не вызывала в общем-то. Вот только семья одного из погибших нашла записи в дневнике родственника, где говорилось о желании приблизить смерть. И не естественную, а при помощи доктора Смерть, который знает способ – легко и безболезненно. Для истязаемого мучениями – отличный вариант.

– И этот доктор...? – Я тряхнула головой. – Но как же тогда на него раньше не вышли?

– Ему везло. Тем более, что пациенты поделиться информацией уже не могли. А многие родственники или не были в курсе, тем более ничего подозрительного-то в смерти тяжелобольного не было. Или были в доле. Наследство же на кону. Несмотря на кажущееся благородство поступка – помочь безнадежному уйти из жизни, окончить его страдания, Промб неплохо так зарабатывал на этом. С арестом на его счетах и дома ничего не нашли, поскольку с сокрытием теневых доходов помогала как раз банда. Не стал бы он так рисковать ради мелочёвки или по доброте душевной.

– Банде явно помогали еще и в...

– Договаривайте, – подбодрил Падуану с поощряющей улыбкой. Я не ответила. С нейтральным выражением смотрела ему между глаз, в переносицу. Знаю, такой взгляд раздражает, но следователя было не пронять. Подперла рукой подбородок и замерла. Он хмыкнул и продолжил сам: – Да-да, вы все верно поняли. Вы очень удачно нам подвернулись. Так мы смогли и в наших рядах чистку провести, и у банды много чего насобирали.

– Вы же говорили, что нужны были веские доказательства? А раз к моему похищению они не имели отношения, то как же?

Падуану отвернулся к окну. Вспомнилось, как он выглядел, когда залетел в кабинет. Если он в таком состоянии пронёсся и по рядам бандитов, то ничему не удивлюсь. Сейчас же он был спокоен, безмятежен. Четкий профиль выделялся на фоне светлой стены. Хоть картину пиши.

– Побеседовали с ними обстоятельно. Они и поделились некоторыми сведениями.

– По доброй воле?

– Разумеется. За кого вы нас принимаете? Это не наши методы.

Падуану как всегда юлил, поэтому внятного ответа можно было и не ждать, но попробовать стоило.

– Дайте угадаю, Промб на тот свет отправлял не только тех, кто сам об этом просил. Или по просьбе сердобольных

родственников. Банда еще о ком-то просила?

– Учитесь прямо на глазах, – одобрительно цокнул следователь. – Хороший из меня учитель, а из вас – ученица.

Я не обратила внимания на сомнительный комплимент то ли мне, то ли ему самому и задала следующий вопрос, в надежде, что все же услышу ответ:

– А помогал во всей этой деятельности тот самый препарат, что нашелся у Сандора?

– Был еще один. Разнообразие, – невесело хмыкнул Падуану. – Тот на мозг воздействовал, но только если уже было состояние, которое возможно усугубить. А у ослабленного в целом организма с этим проблем не возникало.

– Почему ни у кого не вызывало подозрений, что Промб выписывал так много рецептов на те препараты?

– С этим сейчас разбираемся. Возможно, он нашел лазейку, возможно просто не предавали значения, работал-то как с тем кругом пациентов, кому подобное и требовалось. Пациент умер, препарат можно и оставить себе. Не переживайте, теперь-то уж точно докопаемся.

Я и не переживала. Пока что голова просто шла кругом.

– Почему вы мне ранее ничего не рассказали? – спросила я.

– Все было слишком зыбко. Предположения, косвенные сведения, пересказы и пересуды, случайные факты. Сейчас картина чуть более ясная, – подал следователь плечами, явно не договаривая. Все как всегда.

– И за каких-то полдня вдруг обрели твёрдую почву под ногами? – едкость в моем голосе пролилась щедро. И я не пыталась ее скрыть.

– Еще более подробно мы все это обсудим позже. День действительно выдался насыщенный и тяжелый для всех. И вам нужно отдохнуть.

– А вам?

– Беспокоитесь? – протянул Падуану. – Работа кипит.

Он развел руками.

И в таком загруженном графике нашел время для объяснений со мной, пусть и кратких? Я фыркнула.

Он с удивлением на меня посмотрел, я же сделала вид, что все в порядке и вообще, ему показалось.

– Кстати, – следователь перевел взгляд на бумаги, что заполнял Драголич. Губы скривились, ноздри нервно дернулись. – Я отменяю свою просьбу держаться поближе к Драголичу, если он проявит интерес. Будьте с ним осторожнее и по возможности – держитесь подальше, но делайте это так, чтобы не навлекать подозрения. У вас получится, не сомневаюсь.

И тут до меня дошло. Мысль, которая маячила где-то на задворках сознания, мельтешила на периферии, вышла на первый план. В том виде, в каком у Камара изъяли кровь, это не просто должен быть медик, а медик с Искрой, чтобы не испортить кровь и справиться с артефактом. А Дориэн этого точно не мог сделать. И вообще не мог быть к этому при-

частным. Упертая уверенность возникла в такой мере, что граничила с глупостью. Впрочем, мой еще университетский наставник всегда говорил – верь своей интуиции, она не обманет, когда будет нужно. Важные следователи ведь тоже в подобное верят...

И интуиция сейчас мне просто кричала – это не Дориэн.

А вот то, что Падуану сейчас произнес... Он как минимум верит в его причастность. Возможно, думает, что Драголич-старший помогает с этой частью. Только ведь Дориэн может быть вообще не в курсе планов отца.

Вдруг его отец расстроился, что старший сын вообще отказался от медицинской карьеры без Искры. И это настолько его задело, что решил во что бы то ни стало вернуть Икру сыну. И так направить сына на путь, что казался более правильным.

После всего, что я услышала от Дориэна, тот точно не был бы рад таким перспективам. Если, конечно, он меня намеренно не запутывал.

Что же делать со всей этой информацией я сейчас просто не знала. Завтра все решу, а пока – отдыхать! Силы на исходе.

– Мирелла, с вами точно все в порядке? – забеспокоился следователь и аккуратно взял меня за руки.

Ладоней коснулись прохладные пальцы. Чуть погладили тыльную сторону. Я резко выдернула руки.

– Устала, – выдохнула я. – Впрочем, я все услышала и по-

няла, – добавила отрывисто.

Падуану окинул меня скептическим взглядом и проворчал:

– И все же мне не нравится ваша излишняя бледность. Я попрошу врача осмотреть вас.

Я хмыкнула.

– Полностью доверяю вашим способностям, но лучше перестраховаться, – не унимался он.

– Не стоит. Если только это не приказ.

Как всегда, вместо внятного ответа, следовательно произнес:

– Я попрошу выделить вам экипаж, – вздохнул он.

Я кисло улыбнулась и поднялась со стула.

Разумеется, экипаж сейчас будет уместнее – дороги скорее всего уже успели очистить, а вот тротуары – не факт. Да и вряд ли бы своим ходом мне уже хватило сил добраться.

– Буду поздно, не ждите, – предупредил Падуану. Можно подумать, я собиралась. Однако разочаровывать не стала. – А вот с утра, на ясную голову обсудим все более подробно. Тем более, что вашего несостоявшегося похитителя уже к тому времени допросят.

– Тогда, до завтра, – нейтрально ответила я.

Как только оказалась в коридоре, тут же наткнулась на сидящего у двери Драголича. Не ушел. Он внимательно меня осмотрел, словно пытался убедиться, что действительно не съели и даже не надкусили.

– Вас проводить? – спросил он.

Не успела ответить – меня с прохода не слишком любезно отодвинул мужчина в форме этого замечательно ведомства.

Я прочистила горло и устало вздохнула:

– Не откажусь.

– Мирелла! – За спиной распахнулась дверь. – Привезли ваши вещи.

Падуану протянул мешок. Его рука застыла на полпути.

Уф... Вот это взгляд. Если бы искры из глаз следователя могли вырваться наружу, Дориэну пришлось бы несладко. А тот относительно спокойно смотрел на застывшего оппонента. Даже дружелюбно улыбнуться попытался, но вышло кривовато. А после и правая рука дернулась, словно пыталась что-то нащупать.

Я быстро вырвала у Падуану мешок и заглянула в него. Моя сумка и муфта, которую я сдуру потащила на сегодняшнюю прогулку. Перчатки не смогла найти, а руки морозить не хотелось.

Увы, выглядела муфта так, что становилось понятно – больше никаких прогулок с ней. Испачканная в чем-то черном, похожем на деготь, с оторванным клоком на одном из боков. Я растерянно посмотрела на Драголича. Он заметил причину моего расстройства и сжал губы.

Падуану по-хищному подобрался и уже открыл было рот. Я опередила его. Торопливо запихнула муфту в мешок и бросила следователю:

– Спасибо.

А после бодро застучала каблуками в сторону выхода.

У лестницы догнал Драголич. Он нарочито кашлянул и аккуратно ухватил меня за локоть. Так, чтобы я легко могла его высвободить. Я остановилась и обернулась.

– Вообще-то выход в другой стороне, – заметил он.

– Вот как, – задумчиво пробормотала я и посмотрела поверх его плеча. В конце коридора застыла фигура Падуану. Пройти сейчас мимо него? Нет уж. – Возможно есть и другой путь.

Драголич хмыкнул, но возражать не стал. Отпустил мою руку и махнул на лестницу.

Когда мы были на середине пролета, он негромко произнес:

– Мне жаль.

– Мне тоже, – вздохнула я. Бросила быстрый взгляд на Дориэна и нахмурилась. – Нет-нет-нет, – затараторила я.

– Я...

– Не надо, – возмутилась я. – Я вообще не собиралась принимать ваш подарок.

– Но приняли, – добродушно усмехнулся он.

– Это вышло случайно, – жалко пролепетала я.

– Вот как.

– Да, так. – Я чуть ли не притопнула. – Не стоило так расщедриваться. А если уж получилось, что подарок больше негоден, мы все равно в расчете.

– Это не подарок, а плата за работу. Или вы так мало ее цените?

Слов не нашлось. Как вывернул все, а!

– А даже если и подарок, – флегматично заметил он, – вы же не можете запретить подарить что-то взамен.

– Почему? – опешила я.

Он улыбнулся, пожал плечами и продолжил спускаться с лестницы.

– Все равно не приму! – упрямо заявила.

– Посмотрим, – бросил Дориэн через плечо.

Предвкушение в его словах мне же не послышалось?

Это что же, я вызов ему бросила что ли? Фыркнула и пошла вниз. Пусть думает себе, что хочет. А мне есть над чем еще поразмыслить.

Выход мы действительно нашли. Точнее Драголич. Он шел так твердо и уверенно, будто знал дорогу. И вывел меня на улицу.

Тут же подскочил мужчина, который еще несколько минут назад так бесцеремонно снес меня со своего пути к кабинету начальства.

– Госпожа Илейнс, пройдемте, – отбарабанил он и указал в сторону ведомственного экипажа.

Ехали в спокойной тишине. За день столько всего произошло, столько сумбурных разговоров, что хотелось хоть немного отдохнуть от них. Хоть путь и не был долгим – несколько кварталов. Когда повернули на нужную улицу, по-

думалось, что казенный ужин сегодня меня не устроит. Кормили неплохо, жаловаться не на что. Но хотелось чего-то повкуснее.

– Остановите у продуктовой лавки, – выкрикнула я вознице. И повернулась к Драголичу. – Попрощаемся здесь.

– Подожду вас, – невозмутимо ответил он.

Возможно, это было несколько навязчиво, но сил препираться уже не оставалось.

– Ладно, – выдохнула я и пошла в лавку.

Настроение тут же улучшилось – по другую сторону коридора был вход в винный магазин. Это я удачно зашла.

Продукты пришлось сложить в мешок – пригодился, однако. Сверху поместила две бутылки вишни на коньке. То, что доктор мне сегодня прописал. Точнее, я сама себе. Заменил снотворное и успокоительное. Я знала, что из-за слишком насыщенного дня мой перевозбужденный мозг не даст мне так просто отключиться. Уже перешла тот рубеж, когда нужно было отдыхать, сейчас же организм запустил обратный механизм – пока окончательно не будет истощения и опустошения, никакого покоя.

На крыльце Дориэн тут же протянул руку к мешку:

– Позвольте помочь.

Почти спросил, надо же. И как я ни старалась отдать ношу аккуратно, бутылки предательски звякнули.

Драголич остался невозмутимым, а я надеялась, что румянец сойдет за морозный. В конце концов, можно же ска-

зять, что мне приглянулся еще и столовый сервиз? А лучше – ничего и не объяснять.

Оставшийся путь мы прошли под разговор о забастовках водников и тихое дребезжание бутылок. Старалась же уложить между свертков, эх.

У калитки Дориэн протянул мешок и, не скрывая ироничной улыбки, произнес:

– Хорошего вечера.

Глава 4

Пустая квартира встретила тишиной и темнотой. Я быстро зажгла в коридоре, общей комнате и кухне светильники. Будто они могли разогнать тьму не только вокруг, но и внутри меня. Вдобавок казалось, что квартира еще и промерзла. И даже мерное жужжание нагревателя не унимало этого ощущения, хотя жар от него шел непрерывно. Пришлось разжечь еще и камин, который в основном был сугубо предметом интерьера. Сажи на его стенках было чисто символическое количество. Видимо, обычным здешним обитателям не до расслабления у огня, а система отопления греет без сбоев. Мне же хотелось живого пламени, а не искусственно-го, сотворенного чужой Искрой.

Дрова быстро затрещали, охваченные язычками пламени. Пальцы и щеки начало покалывать. И долгожданное тепло растеклось по телу.

Неспешно приготовила ужин. С чувством и удовольствием. Сначала думала, что только себе порцию сделаю, но совесть царапнула. Придут уставшие, замученные, а тут вкусная еда без привкуса казенщины.

Когда я с наслаждением отправила первый кусочек в рот, хлопнула входная дверь.

Взъерошенный и чуть румяный с мороза Ионит глубоко вдохнул и широко улыбаясь воскликнул:

– А я к ужину еще и пирожков с мясом раздобыл, – он потряс бумажным пакетом. – Но ваши блюда явно вкуснее.

– Ваша добыча тоже неплоха, – сказала я. – Можем на закуску оставить.

Причем под закуской я подразумевала одно, а помощник – явно другое.

Он закивал, снимая пальто, а я добавила:

– Присоединяйтесь. Ваша доля на кухне.

Последнее я договорила уже в спину.

Раздался шум на кухне.

– Это все мне или Падуану тоже надо оставить?

Я вздохнула. Ох уж этот вечно голодный организм.

– Вообще я рассчитывала на вас обоих, но, если съедите все, я господину следователю ничего не скажу.

Шербан появился в комнате с тарелкой.

– Решили проверить мою совесть?

Какой-то он на редкость довольный и воодушевленный. И это после такого тяжелого рабочего дня.

Вместо ответа я невозмутимо продолжила жевать.

Я наконец-то согрелась, в желудке ощущалась сытая наполненность без тяжести, но все равно что-то было не то. Взяла свою пустую тарелку и отправилась на кухню. Оттуда вернулась с пирожками, принесенными Ионитом, сыром, раздобытым мною, орехами и... конечно, вишней на коньяке. Все это поставила на стол и спросила:

– Составите компанию?

Я не из тех, кто боится пить в одиночестве – а ну как алкоголизм разовьется. Но сейчас душа требовала компании. Пусть даже если она будет молчаливой. Правда, появилось ощущение, что собираюсь спаивать юнца – сейчас не такая уж большая разница в возрасте казалась слишком существенной. Посмотрела ему в глаза – у юнца оказался на диво взрослый, хоть и удивленный, взгляд. Ну, значит, я себе напридумывала глупостей.

Он закашлялся, а я заботливо постучала ему по спине, так и застыв над ним. Ионит прочистил горло, промокнул губы салфеткой и наконец ответил:

– Не откажусь. А что там?

Он кивнул на бутылку.

Я хмыкнула, но пояснила:

– Одна очень вкусная вещь.

Рюмок или хотя бы бокалов не нашлось, пришлось распивать напиток из чашек. Смотрелось забавно, но вкуса-то это ничуть не испортило, как и наслаждения им.

– Падуану не успел вам рассказать, чем закончилась ментальная проверка вашего похитителя? – спросил вдруг Ионит.

Меня тишина не напрягала, а вот его видимо – да.

– Нет. Но... – я отпила из чашки и прокатила по языку обволакивающую сладость, прикрыв глаза, – а давай больше не будем сегодня говорить о... работе.

– Горячо поддерживаю, – он отсалютовал чашкой и также

после глотка зажмурился от удовольствия. – На самом деле вкусная штука. Никогда раньше не пробовал. Да и знаешь... – он, как и я, перешел на ты. Справедливо. Странно собутыльникам выкать. – Тут же принято пить либо изысканную кислятину, от которой зубы сводит или изжога накатывает, либо что-нибудь воняющее смолянистой елкой. Стыдно признаться, если предпочитаешь другое.

– А вот в Брышеве все иначе, там тебя никто в таких вещах не ограничивает и не стыдит, – я вздохнула. – там мне и дали первый раз попробовать, – кивнула на бутылку. – Отблагодарили за лечение. И не постеснялись же так испоганить благородный напиток.

Мы рассмеялись.

И как-то так само собой мы начали непринужденно болтать. Хотела по-тихому, ха.

Ионит с искренним интересом слушал мои рассказы о Брышеве. Мы обходили стороной, почему же я оказалась там. Я оценила такт собеседника. А вот сама подобным похвастаться не могла. И как только поделилась самым примечательным, сама уже задала вопрос, жутко мучавший меня давно. И который сама же просила не поднимать сегодня больше.

– Ионит, а как ты оказался в команде Падуану?

Шербан настороженно замер, хотя еще мгновение назад расслабленно растекся по стулу, с наслаждением жуя сыр.

– Кажется ты хотела без работы, – пробормотал он.

– Так я же о тебе, а не о ней, – мило улыбнулась.

Он потер бровь и оставил чашку.

Мягко добавила:

– Если не хочешь отвечать, не надо, я пойму. Но сам понимаешь, ты обо мне столько всего знаешь, а я... Хоть какой-то паритет хотелось бы.

Ионит посмотрел так, словно старше меня лет на десять минимум. Я даже растерялась. Да что б меня, они действительно родственники! Только там явно еще и нечто нехорошее замешано. Впрочем, жалеть о своем вопросе я не собиралась.

Ионит прочистил горло и скупно улыбнулся, не развеяв серьезности.

– Это личное, поэтому какой уж тут паритет. Но если так уж гложет этот вопрос, то... Фейн мой дядя.

Сначала хотела спросить «Кто-кто?», а потом уже вспомнила, как же нашего следователя-то зовут.

– Мои родители погибли, когда мне было десять лет. Чемская лихорадка, помнишь была ее вспышка на востоке страны?

Еще как помню. Заболевших было очень много, погибших также хватало. Вот и Шербаны, увы, в их числе. Смогли ее тогда остановить в пределах одного района, чтобы дальше не распространилась. Полк отца тогда помогал с эвакуацией людей и контролем территорий. Знаю, что некоторые сослуживцы пренебрегли защитой и заразились. Последствия бы-

ли в том числе и смертельными для кого-то из них. Вспышка хоть и оказалась краткосрочной, но яркой.

– Меня забрали к себе родители мамы. Ни дядя, ни дед не смогли заменить мне отца, да и не старались. Но они всегда были для меня примером, опорой, – Ионит прочистил горло, словно сам смутился тому, как сентиментально прозвучали слова. – Без них... Да и бабуля... Она...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.